

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.5; 342.7; 342.9; 343.3/.7

doi:10.21685/2307-9525-2022-10-1-8

МАНИПУЛЯЦИИ С ДОКУМЕНТАМИ В «СЕРОЙ ЗОНЕ» ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сергей Викторович Королев¹, Резо Тенгизович Гаприндашвили²

¹Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

²Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия

¹sko.05@mail.ru

²gaprindashvilirt@guz.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Слово «фальсификация» (и то, что за ним стоит) давно уже имеет оттенок тривиальности: фальсифицированные продукты питания, лекарства, бренды одежды и косметики у всех на слуху. Но целью этого исследования является анализ фальсификации «второго уровня». Речь идет о пугающей контаминации «фальсификатов» и «сертификатов». На этом уровне ложь «сертифицирует» себя в качестве правды. К сожалению, при этом правда нередко низводится до статуса «лжи». *Материалы и методы.* Английское слово «фейк», бывшее прежде просто данью моде, ныне символизирует нечто рутинное. Контролируемые медийной «элитой» США западные СМИ превратились в фабрики фейков. Материалом данного исследования являются менее броские, скорее, рутинные «фейковые» документы, сертификаты, свидетельства и т.п. Используется двойная методология, а именно страноведческий и междисциплинарный подходы. *Результаты.* На примере сферы высшего образования рассмотрен лишь один гипотетический казус. Однако он основан на реальных событиях и позволил зафиксировать знаковую брешь в нашем отечественном правопорядке. Можно утверждать, что значительные «пласты» непрозрачного регулирования образовательного процесса в РФ носят по преимуществу «коллюзивный характер», т.е. порой представляют собой сговор с целью ущемить законные интересы третьих лиц. Отмечается, что нет никаких препятствий юридизировать термин «коллюзия», сублимируя его из сферы лишь морального осуждения в сферу дисциплинарного наказания. *Выводы.* Только уголовно-правовая защита безопасности и надежности правового документооборота может защитить общество от лжеврачей, лжеюристов, лжестроителей и пр. При этом нет никакой необходимости делать ставку на такую меру наказания, как лишение свободы. Вполне достаточной и эффективной мерой наказания могли бы стать крупные денежные штрафы вместе с приобретением криминального прошлого.

Ключевые слова: знак, документ, герменевтика, фальсификация, мошенничество, коллюзия

Для цитирования: Королев С. В., Гаприндашвили Р. Т. Манипуляции с документами в «серой зоне» публичного и частного права: междисциплинарный и страноведческий аспект // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 1. С. 71–77. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-1-8

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

MANIPULATIONS WITH DOCUMENTS IN THE "GREY ZONE" OF PUBLIC AND PRIVATE LAW: INTERDISCIPLINARY AND COUNTRY-STUDY APPROACH

Sergej V. Korolev¹, Rezo T. Gaprindashvili²

¹Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²University of Land Use Planning, Moscow, Russia

¹sko.05@mail.ru

²gaprindashvilirt@guz.ru

Abstract. *Background.* The word "falsification" and what stands behind it have long had a taste of triviality: counterfeit food, medicines, clothing and cosmetics are common. However, the aim of the article is to analyze the falsification of the "second level". The authors refer to the frightening contamination of "falsifications" and "certifications". At this level, the lie "certifies" itself as the truth. Unfortunately, the truth is often reduced to the "lie". *Materials and methods.* The English word "fake", which used to be just a buzzword, now symbolizes something routine. According to the authors, the Western mass media controlled by the media "elite" of the United States have turned into fake factories. Though, the material of research is less flashy, rather routine and even boring "fake" documents, certificates, licenses, etc. The authors choose a dual methodology, namely country-study approach and interdisciplinary approach. *Results.* Using the example of higher education, the authors consider only one hypothetical case. However, it builds on real events and allows fixing a significant gap in Russian law and order. It can be argued that significant "layers" of non-transparent regulation of the educational process in the Russian Federation are predominantly of "collusion nature", i.e. they sometimes constitute a conspiracy to infringe on the legitimate interests of third parties. The authors note that there are no obstacles to legitimize the term "collusion", sublimating it from the sphere of solely moral condemnation to the sphere of disciplinary punishment. *Conclusions.* Only criminal law protection of the security and reliability of legal document management can protect society from fake doctors, fake lawyers, fake builders and others. At the same time, there is no need to bet on such a measure of punishment as imprisonment. Large monetary fines, coupled with such a joyless acquisition as a criminal record, could be quite sufficient and effective punishment.

Keywords: sign, document, hermeneutics, falsification, fraud, collusion

For citation: Korolev S.V., Gaprindashvili R.T. Manipulations with documents in the "grey zone" of public and private law: interdisciplinary and country-study approach. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2022;10(1):71–77. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2022-10-1-8

На примере ФРГ можно сделать вывод, что термин «документ» (нем. «Urkunde») допускает широкое толкование, по крайней мере, в сфере уголовного права Германии. Так, манипуляции с автомобильными номерными знаками, например сокрытие крайних цифр знака при помощи куска картона во время стоянки в запрещенном месте, подпадают под нормативный состав § 267 Уголовного уложения Германии (Urkundenfälschung – фальсификация документа), несмотря на то, что автомобильный номерной знак сильно отличается от документа в традиционном смысле: «Документ – это воплощенное посредством письменных знаков мыслизъявление» [1, р. 1364], или «Документ (Urkunde – § 267 Уголовного уложения) – это воплощенное, т.е. представленное в телесной форме, мыслизъявление (Gedankenerklärung), которое понятно

всем или посвященным, позволяет опознать (своего) изготовителя, а также пригодно и предназначено для доказательства юридически значимого факта...» [2, р. 501].

Разумеется, нельзя сказать, что автомобильный номерной знак существует «сам по себе» и не предназначен для оформления какой-либо мысли. Другое дело, что мысль в нем сокрыта, а не заявлена четко как, например, в договоре уступки требования. Документ в классическом понимании, так сказать, объективирует мысль, обособляет ее от возможных колебаний, отступлений, оспариваний со стороны автора мыслиизъявления («что написано пером, не вырубишь топором»).

Однако, что касается автомобильного номерного знака, то, как ни парадоксально, для выявления его объективного значения необходим не просто акт «ментальной фиксации текста», необходим акт понимания, когнитивного проникновения в объект, которому предшествует процедура толкования знака со стороны «понимающего субъекта». Другими словами, необходима герменевтика. Любой герменевтик – по аналогии с техникой Сократа – работает как «повивальная бабка»: посредством толкования он извлекает из знака тот смысл, который в состоянии ухватить, т.е. понять.

Один герменевтик будет настаивать на том, что автомобильный номерной знак выполняет функцию идентификации транспортного средства, в каком бы направлении оно ни двигалось и где бы ни находилось на данный момент. Вопрос об идентификации актуального водителя идентифицируемого автомобиля как бы остается «за скобками», но ясно, что за конкретным автомобилем всегда стоит его собственник, к которому идентифицируемый автомобиль «привязан» юридически.

Другой герменевтик в качестве основного смысла автомобильного номерного знака может выдвинуть функцию аутентификации (см. authentication) [3, р. 132]. Согласно этой (дискуссионной) версии толкования смысл автомобильного номерного знака полностью исчерпывается тем, что любой сотрудник дорожной полиции – но только именно он – в любой момент может остановить транспортное средство и проверить его номерной знак на подлинность.

Третий герменевтик найдет аргументы в пользу того, что автомобильный номерной знак, скорее, выполняет функции классификации, разводя отдельные транспортные средства по видам. При таком подходе важно не отдельное транспортное средство само по себе, а то, в какую именно «автомобильную семью» оно входит (малолитражки, грузовой транспорт, пассажирский транспорт и т.п.).

Четвертый герменевтик предложит версию, что автомобильный номерной знак выполняет статистико-прогностическую функцию. Например, с помощью этих знаков в терминах социально-экономической географии можно выявить кластеры автомобильной роскоши, кластеры отечественного автопрома, кластеры «престарелых автомобилей» и т.п.

По форме рассмотренный пример с автомобильным номерным знаком органично приглашает нас совместить уголовно-правовой подход к термину «документ» с административно-правовым и дисциплинарно-правовым подходом. Ведь инспектор дорожной полиции в первую очередь выполняет административные функции и лишь во вторую очередь репрессивные, которые не являются карательными функциями в строгом (уголовно-правовом) смысле.

По содержанию рассмотренный пример подводит нас к мысли о том, что интегрированная с документом мысль не всегда является очевидной. Она, во-первых, может быть сокрытой и, во-вторых, может допускать множество – порой трудно совместимых – интерпретаций (как показано ранее). При таком подходе термин «документ» – это, прежде всего, знак, т.е. феномен юридической семиотики, а не внешний объект для исключительно отраслевых легальных дефиниций. Последние фрагментируют и тем самым изолируют термин «документ», замыкая виды документов по «отраслевым квартирам» объективного права.

Возьмем пример из сферы образовательного права Германии. В качестве «документа» – в междисциплинарном и страноведческом контексте – мы рассмотрим два термина: традиционный и инновационный, а именно «учебный план» (Lehrplan) [4] и «образовательные стандарты» (Bildungsstandards) [5]. Идеологически второй термин был задуман как неолиберальная

альтернатива первому [6]. Однако до сих пор образовательная политика Германии осциллирует между традиционным инструментом организации учебного процесса посредством учебных планов и широко разрекламированным, но буксующим на практике инструментом в виде образовательных стандартов [7].

Рассмотрим следующий казус, основанный на реальных событиях: директор гимназии г-н X якобы «по состоянию здоровья» был освобожден от своей административной должности, но остался в гимназии в качестве «простого учителя истории и социальных дисциплин». В это же самое время федеральная земля, в юрисдикции которой находится гимназия, начинает пилотный проект по реформе среднего образования.

Главная задача регионального проекта заключается в том, чтобы обеспечить приоритет образовательных стандартов над традиционными учебными планами. Более того, внутри самих образовательных стандартов пилотный проект отдает предпочтение так называемым коммуникативным компетенциям над когнитивными, т.е. чисто познавательными. Г-н X решает убить сразу двух зайцев: во-первых, доказать, что он лучше других преподавателей способен реализовать приоритеты регионального пилотного проекта образования и, во-вторых, обеспечить себе такую учебную нагрузку, которая сможет компенсировать утрату директорского жалования.

В результате г-н X сначала создал для своего будущего индивидуального учебного плана «матрицу» из коммуникативных компетенций, буквально подогнал под эту матрицу «инновационные» учебные дисциплины, которые он готов отныне вести в гимназии. Затем он обратился за помощью к надежному человеку. Дело в том, что начальником учебно-методического отдела гимназии является зять г-на X, которого мы будем называть «г-н Y». Последний, в частности, отвечает за интеграцию предложений отдельных преподавателей в консолидированный учебный план гимназии.

Чтобы обеспечить своему тестю (по его просьбе) максимальную учебную нагрузку, г-н Y использует, образно говоря, лишь два инструмента – ножницы и канцелярский клей. Так, из консолидированного учебного плана гимназии были «вырезаны» две самостоятельные дисциплины «Древнегреческий язык» и «Латынь». Затем они были «склеены» под единой рубрикой «Древние языки».

Другими словами, вместо двух классических учебных дисциплин возник «консолидированный и инновационный» предмет, в котором количество часов, выделяемое как на древнегреческий язык, так и на латынь, было сокращено вдвое. Освободившиеся часы г-н Y после тайной консультации со своим тестем г-ном X «интегрировал» в новый предмет под названием «История риторики».

Далее предмет «Обществознание», который традиционно вел один из опытейших и уважаемых учителей гимназии г-н Z, зять бывшего директора переименовал в «Историю обществоведения» и, более того, разделил на два модуля: «исторический» и «теоретический». Первый модуль опять-таки достался г-ну X, а второй – г-ну Z. Таким образом, учебная нагрузка г-на Z сократилась вдвое.

Наконец, в интересах своего тестя г-н Y проявил полный непрофессионализм, объединив прежде самостоятельные предметы – «Немецкий язык» и «Немецкая литература» – под нелепой рубрикой «Коммуникативная история немецкой цивилизации». Основной удар пришелся по предмету «Немецкая литература», который вела г-жа W. Она нередко критиковала г-на X в бытность его директором гимназии за авторитарный стиль управления. Теперь он решил свести с ней счеты окончательно, т.е. лишить ее заработка. Ясно, что «Коммуникативную историю немецкой цивилизации» можно весьма натянуто отнести к «Немецкой литературе».

Махинации г-на Y, как часто бывает, вскрылись слишком быстро и совершенно неожиданно для него самого. Все пострадавшие преподаватели, особенно г-жа W, решили подать иск. Но в какой суд? Дело в том, что в Германии сосуществуют шесть главных «путей правосудия» (Rechtswege): общая юрисдикция, административная, финансовая, трудовая, социальная юрисдикция и конституционное правосудие, которое стоит особняком [8, p. 1009].

Первый путь правосудия, а именно гражданский иск, открыт ввиду наличия в поведении тестя и зятя признаков так называемой коллюзии. Юридический словарь Блэка определяет коллюзию как «соглашение между двумя или более лицами с целью лишить третье лицо его прав мошенническим путем, но используя правовую форму, или приобрести нечто, запрещенное по праву» [3, р. 264]. В этом определении важно подчеркнуть два момента: во-первых, коллюзия – это всегда форма мошенничества, во-вторых, коллюзия – это всегда тайный сговор или заговор. Таким образом, коллюзия может укорениться лишь в тех сообществах, где в общественном сознании неразвито уважение к институту собственности, а также к таким принципам правового государства, как прозрачность, гласность, публичность.

Такого нельзя сказать о Германии, быть может, поэтому как раз самые «толстые» немецкие словари права не содержат о ней упоминания. Так, из известных нам авторов немецких юридических словарей только профессор Герхард Кеблер дает весьма лаконичное определение коллюзии как согласованного поведения двух и более лиц в целях причинить вред третьим лицам [2, р. 277].

В рассмотренном казусе можно попытаться задействовать – сразу или последовательно – как минимум два «пути права»: гражданско-правовой и уголовно-правовой. Так, потерпевшие от коллюзии между тестем и зятем учителя гимназии могут претендовать на гражданско-правовую защиту на основании § 826 (= возмещение вреда) Германского гражданского уложения (ГГУ) в связи с намеренным причинением ущерба и одновременным нарушением § 138 ГГУ (= защита добрых нравов).

Уголовно-правовой ракурс рассмотренного казуса отправляет нас к так называемым документарным преступлениям (Urkundenstraftaten) [9] Уголовного уложения Германии (УУГ). Все составы документарных преступлений представляют собой разные нарушения одной и той же **правовой ценности** (Rechtsgut), а именно **безопасности** (Sicherheit) и **надежности** (Zuverlässigkeit) правового оборота документов в качестве доказательств [9, р. 1].

В переводе на обывательский язык: только подлинный документ вне подозрения УУГ. Изначально неподлинный или подделанный (фальсифицированный) документ таит в себе социальную опасность, поскольку может быть использован и часто используется во вред обществу и государству, т.е. во вред любому гражданину. Далее пользование такими «документами» подрывает доверие граждан в том числе и к подлинным документам, т.е. ставится под сомнение надежность документооборота.

Таким образом, непосредственным объектом уголовно-правовой защиты являются не отдельные потерпевшие (гипотетически возможны ситуации, когда до этого дело вообще не доходит), а безопасность и надежность документооборота как такового. Следовательно, независимо от того, кто из учителей и как пострадал от действий г-на У, необходимо выяснить один единственный вопрос: подпадает ли поведение г-на У под состав какого-либо «документарного преступления». Но следует иметь в виду, что любое (всегда абстрактное) публичное благо, находящееся под защитой уголовного права, одновременно защищает интересы конкретных потерпевших.

Здесь сразу же приходит на ум состав под названием «фальсификация документа» (Urkundenfälschung), т.е. § 267 УУГ. Данная норма гласит следующее: «Кто для обмана в правовом обороте изготовляет неподлинный документ, фальсифицирует подлинный или использует неподлинный или фальсифицированный документ, наказывается лишением свободы до пяти лет или денежным штрафом». По смыслу § 267 УУГ должен охватывать действия г-на У при условии, что учебный план гимназии (УПГ) подпадает под понятие «документ».

Для идентификации УПГ в качестве документа надо проверить, имеет ли он базовые признаки документа. В юридическом плане идентификация документа практически совпадает с его аутентификацией, т.е. проверкой на подлинность. Первый признак, а именно мыслизъявление, воплощенное в письменной форме, УПГ, без сомнения, реализует. Второй признак, а именно указание на изготовителя, также реализован, поскольку есть «шапка» документа с указанием на учебно-методический отдел гимназии за подписью г-на У. Третий признак,

а именно постоянство, т.е. неизмеримость, тоже присутствует, поскольку УПП представлен не только в виде оригинала на бумажном носителе, но и в виде электронных копий.

Рассмотренный казус с фальсификацией документов, на наш взгляд, помогает опознать еще одну «черную дыру» в таких герметичных отраслях, как образовательное право. Строго говоря, в Российской Федерации оно еще не сформировалось: образование в современной России до сих пор – лишь отрасль законодательства.

Тем не менее можно утверждать, что значительные «пласты» непрозрачного регулирования образовательного процесса в РФ носят по преимуществу «коллюзивный характер». Однако нет никаких препятствий юридизировать термин «коллюзия», сублимируя его из сферы лишь морального осуждения в сферу дисциплинарного наказания.

Только уголовно-правовая защита безопасности и надежности правового документооборота может защитить общество от лжеврачей, лжеюристов, лжестроителей и пр. При этом нет никакой необходимости делать ставку на такую меру наказания, как лишение свободы. Вполне достаточной и эффективной мерой наказания могли бы стать крупные денежные штрафы вкупе с судимостью, т.е. с приобретенным криминальным прошлым.

Список литературы

1. Fachlexikon Recht. 2. Aufl. Leipzig, Mannheim : Alpmann/Schmidt, Brockhaus, 2005.
2. Köbler G. Rechtswörterbuch. 10. Aufl. München : Franz Vahlen, 2001.
3. Black's Law Dictionary. 6th ed. St. Paul (Minn.) : West Publishing Co, 1990.
4. Scholl D. Sind die traditionellen Lehrpläne überflüssig? Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.
5. Bildungsstandards zwischen Politik und schulischem Alltag / J. Zuber, H. Altrichter, M. Heinrich (Hrsg.). Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2019.
6. Giroux H. Neoliberalism's War on Higher Education. Chicago : Haymarket Books, 2014.
7. Drieschner E. Bildungsstandards praktisch. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.
8. Creifelds C. Rechtswörterbuch. 13. Aufl. München : Beck Verlag, 1996.
9. Freund G. Urkundenstraftaten [1996]. 2 Aufl. Berlin [etc.] : Springer Verlag, 2010.

References

1. *Fachlexikon Recht. 2. Aufl.* Leipzig, Mannheim: Alpmann/Schmidt, Brockhaus, 2005.
2. Köbler G. *Rechtswörterbuch. 10. Aufl.* München: Franz Vahlen, 2001.
3. *Black's Law Dictionary.* 6th ed. St. Paul (Minn.): West Publishing Co, 1990.
4. Scholl D. *Sind die traditionellen Lehrpläne überflüssig?* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.
5. Zuber J., Altrichter H., Heinrich M. (Hrsg.). *Bildungsstandards zwischen Politik und schulischem Alltag.* Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2019.
6. Giroux H. *Neoliberalism's War on Higher Education.* Chicago: Haymarket Books, 2014.
7. Drieschner E. *Bildungsstandards praktisch.* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.
8. Creifelds C. *Rechtswörterbuch. 13. Aufl.* München: Beck Verlag, 1996.
9. Freund G. *Urkundenstraftaten [1996]. 2 Aufl.* Berlin [etc.]: Springer Verlag, 2010.

Информация об авторах / Information about the authors

С. В. Королев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

Р. Т. Гаприндашвили – кандидат юридических наук, врио проректора по социальным вопросам, воспитательной работе и молодежной политике, Государственный университет по землеустройству, 105064, г. Москва, ул. Казакова, 15.

S.V. Korolev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the International Law Department, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka street, Moscow, 119019.

R.T. Gaprindashvili – Candidate of Law, Acting Vice-Rector for Social Affairs, Student Affairs and Youth Policy, University of Land Use Planning, 15 Kazakova street, Moscow, 105064.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare that no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 06.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.03.2022

Принята к публикации / Accepted 28.03.2022